

Михаил Веллер

Любит – не любит

Часть сборника
О любви (сборник)

Михаил Иосифович Веллер

Любит – не любит

Серия «О любви (сборник рассказов)»

Серия «Она», книга 2

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168099

О любви: АСТ, АСТ Москва; М.: 2006

ISBN 5-17-038335-5, 5-9713-2698-8, 978-5-17-038335-1

Аннотация

«Тысячу лет назад норманны сеяли пшеницу на юге Гренландии. Не изменись климат, в Ленинграде сейчас вызревали бы персики. И даже в декабре в больницах было бы не меньше двадцати градусов, что вовсе неплохо...»

Содержание

1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.	4
2. Вот так встречается волшебник.	8
3. Сердце мальчика и боль мужчины.	14
4. Скулящему не сочувствуют.	25
5. Что такое камелек?	27
6. Так что же такое любовь, в конце концов?	30
7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.	37
8. Как слегка попортить личную жизнь.	39
9. Информация – безусловно основа интуиции.	46
10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Веллер

Любит – не любит

1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.

«Тысячу лет назад норманны сеяли пшеницу на юге Гренландии. Не изменись климат, в Ленинграде сейчас вызревали бы персики. И даже в декабре в больницах было бы не меньше двадцати градусов, что вовсе неплохо...»

Эти праздные размышления, простительные для уставшего за дежурство человека, а Звягину вообще свойственные, развития не получили. Сойдя с эскалатора, к выходу из метро двигалась перед ним молодая пара и, судя по коротким движениям голов, упакованных в шарфы и ушанки, скорее ругалась, чем ворковала. Неожиданно после особенно выразительного кивка, подкрепленного соответствующей жестикующей, юноша как подрубленный пал на колени и, содрав шапку, замер так с простертыми руками в позе крестьянина, пытающегося всучить челобитную поспешающему по государственной нужде царю.

Девушка обернулась с презрительной усмешкой и удалилась гордо. В толпе образовалось небольшое завихрение:

сдержанные ленинградцы огибали фигуру. Звягин ткнулся коленом в спину отчаявшегося ходатая и осмотрел сверху русую круглую голову с недоброжелательным любопытством. В следующий миг юноше показалось, что к его воротнику приварили стрелу подъемного крана: он был поднят в воздух и, слабо соображая, что происходит, висел краткое время в руке Звягина, пока не догадался распрямить поджатые ноги и утвердиться на них.

– И давно у тебя такая слабость в коленках? – осведомился Звягин.

Тот безуспешно рванулся.

– Репетиция любительского спектакля? – глумливо продолжал Звягин. – Гимнастические упражнения для умственно отсталых?

– П-пустит-те...

– А еще жалуются, плохо у нас шьют: воротник никак не отрывается. Ты в школе учился?

– Да ч-чего вам!..

– Смирно! Тебя учили, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях?

Пойманный раздернул молнию куртки с явным намерением оставить ее в руках мучителя, как ящерица оставляет хвост, но деревянной твердости пальцы сомкнулись на его запястье.

– Что вам надо? – в бессильном бешенстве процедил он.

– Чтоб ты не нарушал закон, – последовал неожиданный

ответ.

– Какой?!

– Нищенство у нас запрещено. Не надо кланчить подаяние – а именно этим, судя по архаичной позе, ты занимался. Причем во цвете лет, будучи на вид вполне трудоспособным.

Не внемля отеческим увещеваниям, воспитуемый оборотил перекошенное от унижения лицо и посулил Звягину много отборно нехороших вещей.

Свободной рукой Звягин порывлся в висевшей через плечо сумке и протянул желтую таблетку:

– Проглоти и ступай, оратор.

– Что это? – машинально спросил юноша.

– Амитриптилин. Прекрасно успокоит твои нервы. Не волнуйся, я врач, а не торговец наркотиками.

Молниеносным движением он сунул таблетку в приоткрывшийся для ответа рот и шлепнул ладонью снизу по подбородку: рефлекторный прыжок кадыка указал, что таблетка проскочила к месту назначения.

– Свободен. И не повторяй свои фокусы часто – штаны протрешь.

Тот постоял секунду, читая лицо Звягина, но не нашел в нем ни издевки, ни сочувствия: так, легкую снисходительность.

– Я не повторяю, – тихо и многозначительно молвил он. Поднырнул под плюшевый канат и поехал вниз.

На истертом бетоне осталась серая кроличья ушанка. Звя-

гин хмыкнул, оглянулся и последовал с нею за удалившимся владельцем.

Из черноты тоннеля дунуло ветерком, поезд приблизился, слепя расставленными фарами и сияя лаковой голубизной, когда из подровнявшейся толпы выдвинулся подопечный и поставил ногу на край платформы, как отталкивающийся прыгун.

Вторично стрела крана подняла его за воротник и отнесла на безопасное расстояние. С утихающим басовитым воем проскользил тормозящий головной вагон, проплыло в кабине повернутое лицо машиниста, на котором начали с запозданием проявляться, как на фотопластинке, признаки испуга.

Мягко стукнули двери, народ повалил, несостоявшееся происшествие осталось практически незамеченным.

– Дядя Степа в этот раз утопающего спас, – мрачно похвалил себя Звягин. – Свинья ты, братец. Нагорело бы дежурной по перрону, машинисту – а чем они виноваты? И ты не представляешь, видно, как омерзительно выглядело бы то, что отскребали от рельсов. А?

– Откуда вы взялись... – выдавилось с мукой.

Звягин оценил бледность, дрожь рук, зрачок во весь глаз.

– Надень шапку. Ну, что стряслось, парень? Пошли, пошли...

2. Вот так встречается волшебник.

Декабрьский вечер резанул морозом – ресницы смерзлись; зима накатила ранняя, лютая, звенящая. Ленинград застыл в ледяном свете фонарей. Мерзлым дробным стуком отдавались шаги торопливых прохожих.

– Как тебя зовут?

– Ларион.

– А проще?

– Ларик...

Проблема поговорить по душам упирается во множество проблем. Это проблема времени: где взять его столько, чтоб никуда не торопиться. Проблема настроения: стрессовый, издергивающий ритм большого города отнюдь не способствует откровенной беседе. Проблема собеседника: не каждый в наше стремительное время терпеливо вникнет в твои беды. И далеко не в последнюю очередь это проблема места; вечерние кафе переполнены и суетны, в общежитиях бдят вахтеры и шляются знакомые, а дома ждет жена, укладывающиеся спать дети, и соседи снизу стучат по трубе отопления, если вы топаєте или гоняете музыку. Правда, Ленинград, как ни один другой город в мире, располагает к задумчивым прогулкам по набережным и паркам, стреловидным перспективам центра и тихим переулкам Петроградской стороны... Но только не при минус сорока.

– Куда мы?

– Фотографироваться...

Звягин увлек Ларика мимо заиндевелой колоннады Казанского собора в темную дугообразную траншею улицы Плеханова. Под обшарпанной аркой погромел в дверь, обитую жестью.

– Леонид Борисович? – Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. – Вам снимок? Или помещение?

– Или. Ненадолго. Как твой радикулит?

– Он сам по себе, я сам по себе – мирное сосуществование. Посидите пока, я последние сниму с глянцевателя.

Он воткнул кипяtilьник в розетку, не без некоторого изящества расположил чашки и печенье на колченогом столике.

– Ключи? – спросил Звягин, располагаясь в креслице, явно скупающем по родимой свалке.

– Бросите в почтовый ящик рядом с дверью, как обычно. – Вынул из лотка отскочившие с зеркального барабана фотографии, натянул полушубок, пожелал здравствовать и удалился.

В мятом кофейнике забурлила вода. Алые спирали электропечки волнами струили теплый воздух. Мягкие тени залегли по углам.

Звягин молчал, настраиваясь на волну собеседника, словно радиоприемник на дальнюю станцию: профессионализм

хороших врачей и журналистов, умеющих чувствовать другого человека.

Молчание Ларика носило иную тональность: погруженный в себя, он пассивно соглашался, чтоб его хоть чем-то на время отвлекли от душевной боли.

– Это сделать никогда не поздно... – проговорил, наконец, Звягин. – И беда в том, что этим ничего не изменишь и ничего никому не докажешь...

– Я не хочу никому ничего доказывать... – не сразу ото-
звался Ларик.

– Устал?

Выдох:

– Устал...

Горячий чай обжег, чашка грела руки.

– Без нее никак?..

– Без нее незачем.

– Она того стоит?

– «Не потому, что без нее светло, а потому, что с ней не
надо света».

– И нет надежды?..

Ларик застыл, медленно погружаясь в свою боль и так же
медленно возвращаясь к действительности.

– Кто вы?

– Дед Мороз.

– Подарки делаете? – слабо, невесело улыбнулся.

– Такая работа.

– Что дарите? Жизнь, да? Зря...

– Уж кому чего надо.

– Что человеку действительно надо – того ему никто не подарит, – вздохнул Ларик с наивной многозначительностью юности.

– Подарит. Раз в жизни случается несбыточное. Один шанс из миллиона. Тебе выпало исключение, – тяжелым голосом сказал Звягин.

Ситуация вышла за пределы обычной. Сбивчивый взгляд Ларика фиксировал рубленое лицо, тонкий излом рта: странная сила угадывалась за вальяжной позой, сокрушительная воля – за мерной интонацией.

– Итак, ты встретил волшебника.

Звягин вынес из задней комнатки небольшой аквариум. За зеленоватым стеклом пошевеливала шелковистыми раскидистыми плавниками золотая рыбка.

– Она может выполнить только одно желание в год. Будущий – твой. Заказывай.

Ларик оцепенело уставился в выпученные глазки рыбки. Колкое тепло разлилось под ложечкой, толкнулось в мозг, в дрогнувшие пальцы. Ткань действительности распалась на миг, сказочное сияние качнулось в захламленном подвальчике...

Звягин подхватил его, тряхнул легонько:

– Ну! Решайся.

Падающая звезда, счастливый номер на билете, поезд по

виадуку над головой, сесть между двумя тезками: «Загадай – желание – загадай – желание – загадай – сбудется, сбудется, сбудется!» А!..

– Хочу, чтобы ОНА меня любила, – с огромной убеждающей силой прошептал Ларик.

Рыбка вильнула хвостом-вуалью и отвернулась.

– Хорошо, – сказал Звягин и отнес аквариум.

– Сделка состоялась, – сказал он.

– Каковы условия? – спросил Ларик тем тоном на грани шуток и серьезности, который в неуверенности допускает возможность и того и другого. – Я продаю вам свою душу, расписываюсь кровью, иду к вам в рабство?

– Крови не люблю, – поморщился Звягин. – Мне ее и на работе хватает. А насчет души и рабства... Твое желание будет выполнено. Но ты станешь делать все, что я тебе прикажу.

– Что именно?

– Все! Не бойся – вреда никому не причиним. Согласен?

Ларик не столько колебался, сколько укреплял в себе желание поверить происходящему.

– Да!

Звягин аккуратно вырвал лист из блокнота, раскрыл старомодное золотое перо:

– Пиши. «Я, такой-то, тринадцатого числа месяца декабря сего года тысяча девятьсот восемьдесят шестого, будучи в здравом уме и твердой памяти, отдаю тело свое и душу в

полное распоряжение хранителя сего, именующего себя доктором Звягиным, от настоящего часа и до того, как он в обмен на полученное дарует мне навечно любовь...» – пиши ее имя и фамилию, – диктовал Звягин, – «взяв с меня клятву, что я сохраню верность ей до гроба, и да будет воля его для меня священна». Число, подпись.

Запалил свечу, достал из сумки иглу от шприца, прожег ее, протер спиртом из пузырька:

– Коли мизинец и ставь отпечаток рядом с подписью!

Ларик испытующе помедлил и решительно всадил иглу в палец. Стекла вишневая капля.

Звягин удовлетворенно кивнул, сложил лист, спрятал в черный конверт из-под фотобумаги, а конверт бережно убрал во внутренний карман.

3. Сердце мальчика и боль мужчины.

– А теперь, – сказал он, – теперь рассказывай все. Рассказывай, как и когда вы встретились.

– В пятом классе, – сказал Ларик. – Ее родители переехали из другого города, и после летних каникул она появилась у нас...

Воспоминания были его счастьем, его неразменным капиталом:

...В пятом классе, когда мальчики еще остаются мальчиками, но девочки уже превращаются в юных девушек, и тайна застенчивой и горделивой женственности вносит смятение в четкий мир их сверстников.

В маленьком городке все знают друг друга наперечет. Новичков встречают настороженно. Но она была проста и весела – не задавалась. Неплохо училась и была ловка на физкультуре. Она выделялась, не стремясь к тому. Ее признали своей.

Он, Ларик, обращал на нее внимания не больше, чем на других привлекательных девочек. Мальчишеская дружба расцветает именно в этом возрасте. Мир вкусен, опасен, манящ! Мальчики записываются в секции, качают мышцы, занимаются боксом и каратэ, постигают моду и копят копейки

на дешевые магнитофоны; долго причесываются перед зеркалом, стараясь узреть в полудетских лицах черты будущих мужчин. Они дети для всех – кроме себя и своих друзей: просто возраст еще не вывел их на рубеж, за которым начинается жизнь мужчины. Только в лучшем друге можно найти понимание и отзыв всем мыслям и чувствам. О девочках думают, мечтают, говорят – гуляя вечером или сидя на солнышке в укромном углу за забором; томительная мечта еще не представляется реальной.

В каждом классе всегда выделяется своя верхушка, обычно человек восемь. Интереснее, энергичнее прочих, они безошибочно объединяются: в них больше жизни. Ум, красота, спортивные успехи, подвешенный язык, умение одеваться – сами по себе еще не определяют твой престиж: обаяние личности решает все.

Незаметно упрочилась за Вале́й роль королевы класса.

Середнячок Ларик не выделялся ничем.

В этом возрасте впервые читают «Трех мушкетеров» и придумывают себе первую любовь. Придумывают или нет – кто может отличить?..

Трудно сказать, с чего все началось всерьез. Тринадцать лет, теплый и влажный мартовский ветер, валяющийся в форточку, горячее солнце в синих лужах: весна – она весна и есть. На перемене Валя посмотрела на него (так ему показалось) особенно. Показалось ли ему это? Позднее она уверяла: да. Он ли был готов прочитать в ее взгляде то, что

хотел прочитать?.. Или юная ее женственность, расцветшая потребность в любви бессознательно выразились в мимолетном взгляде? Или просто сделала глазки, следуя искушению испробовать крепнущую силу своих чар? Значит, настал ему срок полюбить, если такая неопределимая малость послужила поводом.

Через пять минут он получил двойку по химии, абсолютно не понимая, что спрашивает у него учительница. После уроков бродил, не понимая, где, оглушенный, в блаженной и испуганной растерянности, видя ее лицо, пушистую челку, печальный и ласковый блеск серых глаз: призыв? надежда? поощрение?

Несколько дней он боялся на нее взглянуть. Казалось: все сразу поймут. Только когда она отвечала у доски, он как бы имел право смотреть на нее наравне со всеми. В каждом ее жесте ему одному. От него ждали шагов навстречу.

Ночью он написал мелом на стене «Я люблю». Впервые шепотом выговорил это слово, осязая его губами. Он давал себе безумные клятвы, рисуя романтическое и трагическое будущее.

Выскакивая из школы, он кружным путем неся к ее дому, чтобы потом попасться ей на дороге. Она возвращалась с подругой. Он цепенел. Она не подавала вида, что их что-то связывает.

Он признался другу. Друг понял, проникся. Друг давал советы и поражался низости и глупости женщин. Им было

по тринадцать, и они были взрослыми людьми.

Он решился писать записки: незначащие фразы, в которые вкладывалось сокровенное значение. Друг передавал ей. Ответов не было.

Он назначил ей свидание. Прождал до темноты. Она не пришла.

Но назавтра подруга сунула ему в руку записку с ее извинением.

Встреча наконец состоялась. Он не смог выдать из себя ни слова. Она терпеливо ждала, дернула плечиком и удалилась, смеясь.

В записке он признался ей в любви. Лицо его горело, тело не слушалось. Не выдержав, он сбежал с уроков.

Ответом было одно слово на клочке бумаги: «Спасибо».

Он зашел в тупик. Не знал, что предпринять дальше. Как стать интересным ей. Как сделать, чтоб они были вместе. Ее присутствие парализовало его. Он еле кончал год на тройки.

Где знают двое, там знает и свинья: секрет его раскрылся в классе. Незлые, в общем, шутки воспринимались как нестерпимые насмешки.

Поздними вечерами он шлялся под ее окнами.

Лето прошло без нее.

Он свыкся с безответностью своего чувства.

Осень принесла потрясение.

Она была красива и беспечна, и сплетни не могли миновать ее. Ревность и зависть просыпаются в людях рано. По-

плыл слух.

В четырнадцать лет верят всему. Он поверил. Эта вера, вместо того, чтобы убить его любовь, сделала ее еще более пронзительной. Дикость истории не увязывалась в сознании с ее обликом: ясные глаза, чистый смех, трогательное лукавство. Душа его разрывалась от боли за ее боль. Ему грезилось посадить ее на колени, обнять, укрыть от всего зла этого мира, погладить по волосам, ласково, нежно, сказать, что она все равно самая лучшая, самая чистая, самая красивая, единственная, что он любит ее на всю жизнь, и все будет хорошо, все будет хорошо...

(Когда годы спустя он убедился в лживости навета, он был потрясен не меньше. Быть может, если бы не эта ложь и вызванные ею боль и сострадание, впервые пробужденное желание защитить и уберечь, то любовь его иссякла бы, как часто и бывает. Но оказались затронутыми такие глубины мужского сердца, о которых он сам ранее не подозревал.)

Ей уже оказывали внимание старшеклассники. Он казался своим ничтожеством. Будущее прозревалось ясно: до смерти он будет любить ее безнадежно и сильно, и когда-нибудь она поймет, как велика его любовь; и оценит; но слишком поздно.

«Она еще пожалеет, – пророчески предсказал друг. – Жизнь накажет ее». – «Накажет? – возразил он. – За что? Разве она виновата, что она такая?..» – «Вот за то, что такая, и накажет», – повторил друг упрямо и безжалостно.

В июне класс убирал мусор в парке, потом пошли купаться на пруд. Он увидел ее в купальнике. Он не мог смотреть на нее и не мог не смотреть. Расплавленный свинец разлился в его жилах... Впервые он увидел в ней женщину, и понял, что любит женщину. Ужасало, что ее, в одном этом узеньком красном купальнике, видят все! И она не стеснялась, ей это нравилось, она знала свою красоту. О, если б он был самым широкоплечим, рослым, мускулистым, загорелым, сильным, если б он был достоин ее... Страх своей неполноценности укоренился в нем окончательно.

Осенью она приезжала с родителями с юга, приходила в школу загорелая, как мулатка, сияя глазами и зубами, потряхивая выгоревшей гривкой волос, пританцовывая на ходу от избытка жизненного веселья. Однажды она влюбилась в практиканта-физика из пединститута; отчаянно зубрила формулы и получала пятерки, явно выделяемая им. Когда оказалось, что у него есть невеста и через неделю свадьба, она два дня не ходила в школу и появилась похудевшая, с темными кругами у глаз.

Класс отреагировал беззлобной подначкой.

Ларик искренно недоумевал: как можно на ком-то жениться, если можно в свой срок жениться на ней? Разве есть на свете хоть одна лучше нее? И – что она нашла в нем: обычный, ничего особенного, склонность к развязному нахальству да еще один глаз косит на сторону?

На лето перед десятым классом его отправили в деревню

к бабушке. Он вытянулся, подсох; полел огород, валялся на песке у речки, считая дни до возвращения. Не выдержав, написал ей письмо, второе, третье. Неожиданно получил ответ (она томилаcь скукой).

В сентябре его положение в классе изменилось. Усилиями родителей он был прилично одет, «смотрелся». Поздоровел. Полученное письмо прибавило уверенности в себе. На него «положила глаз» одноклассница; он впервые понял, что может нравиться и даже быть любим. Надежды вспыхнули и расковали его язык. Он искал сближения с ее компанией, и удостоился приглашения.

Когда в медленном танце он впервые коснулся ее руки, ее талии, ноги его мгновенно потеряли способность двигаться. Она улыбнулась и повела его сама.

Он пытался «дружить», но не умел стать ей интересным. Он оставался застенчивым, неуверенным, смертельно влюбленным и потому покорным мальчиком. В нем не было изюминки, не было мужской резкой сумасшедшинки – так она сказала.

Надежность, стойкость его чувства льстила ей и одновременно тяготила. Его придерживали при себе как ненужную сейчас, но в общем хорошую вещь, которую жалко выкидывать – при случае может пригодиться. Разве не числом поклонником и силой их страсти измеряет девушка свою значимость?..

В цветном мигании лампочек, в тягучем течении блюза,

среди друзей, она сама разрешила ему поцеловать ее. Он прижался губами к теплой гладкой щеке, на секунду почти потеряв сознание.

Но больше ему «ничего не позволялось».

Ты хороший, я не виновата, что ничего такого к тебе не чувствую, – таков был подведенный ею итог их откровенного разговора.

На выпускном вечере он сделал ей предложение. Она засмеялась, взгрустнула, сказала, что они еще дети и им рано об этом думать. Мужчина должен сначала чего-то добиться в жизни. А ему еще только через год идти в армию, и кто знает, не забудет ли он ее за это время.

В ослеплении веря наивному кокетству, он клялся любить ее вечно!

Ах, отвечала она, если б ты был немного другой. Какой? Откуда я знаю...

«Бедное сердце, осаждаемое со всех сторон», – сказал друг – бывший друг. Он влюбился в нее сам в конце концов. Ларик простил предательство: можно ли не любить ее...

Она поехала поступать в Ленинград, в театральный. Он поехал с ней вместе, выбрал конкурс поменьше, верняк, и подал в инженерно-строительный. Когда она отсеелась после первого тура, он забрал документы. Проживая остатки выданных родителями денег, они бродили по Ленинграду. Она была подавлена, разуверена в себе, благодарна ему за верность... Теплая ночь, темная листва, разведенный мост над

Невой: глядя в сторону, она тихо проговорила – иногда ей кажется, что она немножко любит его.

Общность судьбы вдруг сблизила их – словно подхватила одна волна. Они ощутили родство – вдвоем в огромном, чудном, прекрасном и недоступном городе.

Лучше тех дней в его жизни не было.

Они вернулись домой, встречались сначала каждый день, но потом она начала отдаляться: все чаще бывала занята, задерживалась на работе, занималась в самодеятельности. Однажды он увидел ее на улице с высоким красивым парнем.

Теперь он ждал одного – призыва в армию. Там начнется другая жизнь, и сам он станет другим. Он мечтал попасть служить подальше, туда, где опасно, откуда можно вернуться в боевых орденах, или не вернуться вообще, погибнув смертью героя.

За пять дней до отправки она позвонила ему сама. Она раскисалась, тихая, печальная, ласковая, она обещала ждать его.

Он все понимал. Тот ее бросил. Ей опять не повезло. Ларик был счастлив. Если бы с ней случилось несчастье, она стала некрасивой, инвалидом, не нужная никому, – он бы носил ее на руках, сдувал пылинки, лелеял...

На перроне, в толпе народа, стриженного, с рюкзачком, она целовала его. В вагоне команда ему завидовала.

Год она писала ему. Он показывал корешам фотографию. А потом бросила. Написала, что все кончено: она выходит

замуж.

Ее родители обменяли квартиру на Ленинград. Она стала студенткой Института культуры: другое окружение, другая жизнь, другое будущее.

Демобилизовавшись, он месяц жил дома... Собрал вещи и двинул в Ленинград. Пошел на стройку, прописался по лимиту в общежитии. И явился к ней.

Она была не замужем.

Его встретили как марсианина. Ему не оказалось места в ее новой жизни. Она стеснялась его.

А он не мог без нее жить. Он просыпался утром, вспоминал: она! – и накатывала черная тоска.

Единственным прибежищем была работа. Работал он с жаростью. За работой забывался. Бригадир хлопал по плечу. Ребята постарше посмеивались.

Он пригласил ее в театр. «И никогда больше меня никуда не зови... Я не пойду».

У нее есть... один. Аспирант. С машиной. С деньгами. Нравится ее родителям. Ларик видел его. Против него не потянуть...

Все свободное время он тупо валялся на койке. Ребята пробовали знакомить его с девушками. Его равнодушие сначала задевало их, вызывало желание задеть, понравиться; кончалось пренебрежительным разочарованием. Они были ненужными, чужими.

Он продолжал ходить к ней, ждал у входа после занятий.

Ее подруга сказала ему в сторонке, сочувственно, по-своему: «Да брось ты Вальку, она же стерва». Благодарный за участие, он, однако, возненавидел подругу.

Навязчиво он искал встреч – как побитый щенок, приползал на брюхе, виляя хвостом (по ее выражению). Иногда удавалось, преодолевая себя, казаться веселым и легким, циничным и беззаботным; зная истину и тяготясь, Валя терпела его несколько часов. Как-то отправилась с ним в Эрмитаж на модную выставку. Но выдержка ему изменяла, он опять срывался на мольбы, укоры, напоминания, клятвы: в такие минуты она его ненавидела. Себя тоже, видимо, ненавидела, чувствуя за ним какую-то моральную правоту, и оттого ненавидела его еще больше.

4. Скулящему не сочувствуют.

Влюбленный может говорить о предмете своей любви бесконечно. Усвоив суть и наскучив подробностями, в двенадцатом часу Звягин подавил зевок. Извинившись, вышел в туалет и с шумом спустил воду. Подобные действия неукоснительно меняют тональность беседы. Выговорившийся Ларик примолк, отрезвел, успокоился.

– И чего ты дергаешься, собственно говоря? – подытожил Звягин.

– Как это?..

– Так. Что, собственно, страшного произошло? Она вышла замуж?

– Нет... пока.

– Но у нее есть ребенок?

– Что?! Нет, откуда...

– Может быть, она смертельно больна?

– Вы о чем...

– Тоже нет? Ну тогда, возможно, она совершила преступление, и твой гражданский долг – посадить ее за решетку?

– Не надо издевок, – тихо попросил Ларик.

– А может, ты инвалид? Отвечать!

– Нет...

– Урод?

– Не блещу, как видите...

– Мужеством ты не блещешь. А, ты слабоумный? Или тебе завтра уходить на фронт? А-а – тебе приходится содержать большую семью, отнимает все силы и время. Угадал?

– Перестаньте.

– Тоже нет? – удивился Звягин. – Тогда я не понимаю – чего ты убиваешься? Какие трудности? В чем препятствия?

– Не нужен я ей...

– Стань нужен!

– Как?

– Как угодно!

– Она не любит меня, – качнул головой Ларик безнадежно, горько.

– Всего делов? Хм! Значит, надо сделать так, чтоб полюбила, – невозмутимо заключил Звягин.

Сухо, рассыпчато скрипнул под ногами снег. Стукнула дверь, звякнул ключ. Метнулась во тьме поземка и пропала. Черный прозрачный воздух обжег ноздри. Пар от дыхания индевел мохнато на шарфе.

– Что вы говорите?

– Пою. «Турецкий марш».

– Почему?

– А что же мне петь, лазаря? Боевой гимн индейцев чероки? – Звягин сплюнул: плевок затрещал на лету, стукнулся об тротуар и подпрыгнул ледышкой. – Минус сорок, – удовлетворенно констатировал Звягин. – Верная примета, так мы на Севере проверяли.

5. Что такое камелек?

Жена, разумеется, не спала. На кухне горели все газовые конфорки – отапливалась.

– Чудовищный мороз, – сообщила она, кутаясь в шерстяной платок. – Завтра у пятиклассников опять занятий не будет. Сидим в учительской и рассказываем друг другу, у кого сколько градусов дома. Где ты застрял, я волновалась? Есть будешь?

– Мне нравятся эти ленинградцы, изображающие Клондайк, – ответил Звягин.

Спустившись во двор, принес несколько деревянных ящиков из штабеля у заднего входа магазина. Разломал на кухне и растопил в спальне старинную высокую печь – настоящую кафельную голландку.

– Хорошо, что сохранили при ремонте, – оценил он. – Вот и пригодилась.

Пламя загудело в топке. Звягин оставил открытой латунную дверцу, потер руки перед огнем.

– Давненько не сиживали мы у камелька, – сказал он. – Кстати, что такое камелек?

В дверях возникла дочка, завернувшаяся в одеяло, как озябшее привидение.

– А я? – жалобно спросила она. – У меня тоже холодно.

– В Англии спальни вообще не отапливаются, – сказал

Звягин.

– Вот Англия и перестала быть владычицей мира, – сказала жена.

– Поэтому у англичанок лошадиные лица, – объяснила дочка.

Желто-алые блики легли на обои, выкружились на люстре и спинке кровати. В полумраке высветилась теплая пещерка у огня, доски потрескивали и стреляли, выбрасывая трасирующие багровые искры, притухающие на лету и с тихим шорохом падающие на латунный лист перед печкой.

Жена проявила неслыханную заботу: вкатил фушетный столик с тарелкой дымящегося рагу, бутербродами и чайником.

– А молоко? – сварливо спросил Звягин, набивая рот.

Сытый человек миролюбив – его можно брать голыми руками. В воздухе повисел и упал сакраментальный вопрос:

– Где ты был?

– Я стал рабовладельцем, – скромно сказал Звягин. И, наслаждаясь эффектом, предъявил умопомрачительную расписку.

Жена потеряла дар речи. Дочка в восторге захохотала. Потребовали объяснений. Ахнули, вздохнули, усомнились; задумались.

– Где ты его подобрал?..

– В метро.

– Ты всегда найдешь теплое местечко для своих подвигов,

даже в мороз. У нас не семья, а благотворительное общество «Звягин и компания»!

– А зачем этот средневековый спектакль с мефистофельской распиской и золотой рыбкой?

– Внушение. Психотерапия. Влюбленные юноши необыкновенно впечатлительны и склонны к романтике. А такие вещи, знаешь, воздействуют на нервную систему – укрепляют надежду и веру. Полезно.

– И что будет дальше?

– Понятия не имею, – беззаботно зевнул Звягин. – Утро вечера мудреней. Есть доброе правило: важное дело спешным не бывает – если что-то стряслось, не руби сгоряча, выдержи три дня, успокойся, подумай, и начинай действовать на четвертый.

За неимением в современной квартире кочерги он пошевелил угли совком и потянулся.

6. Так что же такое любовь, в конце концов?

Назавтра жена была встречена в прихожей вопросом:

– Что такое любовь?

Замедлившись в движениях, молча она повесила пальто, сняла сапоги, прошла в кухню и, глядя в замерзшее окно, проговорила:

– Видимо, любовь – это когда после двадцати лет семейной жизни ты являешься домой за полночь с лицом романтического героя.

И, поскольку ответной реплики не последовало, выдернула в комнате из стеллажа и швырнула на диван книгу Рюрикова «Три влечения».

Звягин кротко полистал страницы и рассердился:

– Почему вместо ответа на любой вопрос ты норовишь сунуть мне книгу для внеклассного чтения, будто я твой школьник, еще не дозревший для беседы с учителем?

Ничто так не льстит мужчине, как обвинение в донжуанстве. Но только не тогда, когда оно регулярно исходит от законной супруги – тут нужны крепкие нервы и неиссякаемое добродушие. Обладая тем и другим, Звягин достиг примирения за каких-то два часа, прибегнув ко всем доступным способам. Сменив гнев на милость и размякнув, жена мол-

вила задумчиво:

– Есть три вещи в мире – непостижимые для мудрецов: путь орла в небе, змеи на камне, и путь мужчины к сердцу женщины.

Профессиональная страсть учителей к цитатам неистребима.

– Любовь – это случайность в жизни, но ее удостаиваются лишь высокие души, – декламировала жена, лежа на руке Звягина. – Стендаль.

– Стендаль был великим теоретиком, я слышал. Но он ошибался.

– Ты наглец и невежда.

– Помнишь, ты меня заставляла читать «Педагогическую поэму» Макаренко? Там один паренек, Чобот, тупой такой и неразвитый, влюбляется в самую передовую и красивую девочку... Наташу. Идти за него замуж она отказалась – ей рано, надо учиться, и вообще она его не любит. Он взял-таки и повесился. Наверное, любил, раз не смог без нее жить.

– Глупо и гадко! – взвилась жена. – Упрямство, эгоизм! И правильно его все осудили! Не может темный человек любить по-настоящему. Только с развитием духовной культуры человечества инстинкт продолжения рода превращается в ту любовь, о которой пели провансальские трубадуры!..

– Трубадуры тебе еще и не то споют, – пробурчал Звягин, – за умеренную мзду. По-твоему любовь – умение красиво говорить о своем чувстве и совершать всякие изящные

и благородные поступки? Я понимаю: стали писать стихи о любви, посвящать рыцарские подвиги прекрасной даме, выработали манеры – пропускать женщин вперед, уступать им место, снимать шляпы и кланяться. Но разве манеры – проявление любви?

– Твой цинизм неуместен! Любовь выражается в поступках, это естественно: манеры – выражение уважительного отношения к женщине.

– А как тогда отличить любовь от притворства? Ведь любой может обучиться манерам, а если силен – насOVERшать подвигОВ.

– Женщина всегда отличит любящего от нелюбящего.

– Уй-й!.. То-то столько обманутых соблазнительями. Лгать можно и словами, и поступками, – увлекшаяся женщина любую мелочь трактует в свою пользу. Ответ лучше, если ты такая умная: как обстоит у водоплавающих птиц насчет одухотворенности и культуры? Почему лебедь, теряя подругу, поднимается ввысь и камнем падает на землю, разбивается? Ведь с точки зрения целесообразности и продолжения рода он может найти себе другую пару?

В затруднении жена посмотрела на часы, высунула руку из-под одеяла, потрогала еле теплую батарею.

– Любовь – это когда любимый человек становится дороже всего на свете.

– Дороже истины? Долга? Чести? Родины? Значит, любящий человек способен на любую подлость и преступление во

имя любви?

– Ты вечно передергиваешь, – недовольно сказала она.

– Значит, не дороже всего?

– Дороже жизни...

– Хм... Если надо пожертвовать своей жизнью ради того, чтоб жил любимый человек, – тут, наверное, любой любящий не задумается. Но почему человек ради своей любви пожертвовать при надобности жизнью готов – а пожертвовать, скажем, карьерой – часто не готов? Хотя карьеру дороже жизни не ценит.

– Ну-у!

– Э? Женятся на высокопоставленных дочках, расставаясь с любимыми. Не разводятся с постылыми женами, чтоб не подпортить карьеру и высокое назначение. Расстаются с любимыми, отправляясь в дальние края, куда те ехать не согласны. В чем дело? Ведь любят, потом всю жизнь вспоминают, жалеют, плачут, не могут найти счастья.

– Не очень любят.

– Ничего себе не очень: через двадцать лет увидит – и бледнеет! Всю жизнь снится. Нет, ты скажи: очень-очень нравится – и любит: есть разница?

– Конечно, есть.

– Какая? Ведь внешне все одинаково: те же действия, слова, ласки, подарки. Возьмем любовный треугольник: муж, жена, третий. Естественный вопрос ему: любишь ты ее или нет? И если да – это для всех его как-то оправдывает, даже

внушает сочувствие, уважение.

– Это ты к чему? – с тенью настороженности спросила жена.

– К тому, что на мой взгляд все это очень просто.

– В каком смысле?!

– Любовь – это когда чувство достигает такой силы, что то и дело переходит границу и может превратиться в свою противоположность – в ненависть. Когда счастье граничит с горем, наслаждение – с болью, и одно способно мгновенно смениться на другое.

– Школьный диспут... Любовь – это желание счастья любимому.

– А сколько в истории случаев, когда любимых убивали? Причем только любимых! Возненавидеть можно только того, кого любил, а если просто очень нравился – э, что ж делать, печально, да как-нибудь станем жить дальше. Вот если нет сил перенести муку, и на собственную искалеченную жизнь уже наплевать, и то самое чувство, которое толкало жертвовать всем ради любви, теперь дальше толкает на самый страшный шаг – вот это не подделка, не имитация, а любовь.

– Вариант Кармен?

– Кармен, Кармен.

– Мой муж феодал и дикарь, – меланхолично констатировала жена.

– И дикари лупили друг друга палицами по головам, оспа-

ривая первую красавицу племени. Чувства всегда были у любых людей. И даже у животных. Посади собаку в клетку, дай ей подходящую пару – а потом разлучи. И собака может подохнуть от тоски. А вот если она дикая, в лесу, пропитание добывать надо, от врагов спастись – тогда не подохнет, переживет. Дело не в тонкости и культуре чувств, а в их силе. А для их силы надо, чтоб не все они расходовались на выживание. Подруга любви – праздность, как некогда говорили. Любовь появилась тогда, по-моему, когда у человека высвободился некоторый излишек энергии, принимающий форму необязательных чувств и необязательных поступков. В народе всегда знали, что лучшее средство от несчастной любви – тяжелая работа: утомленный человек не так остро чувствует боль, легче забывается. От любви и угасали тургеневские барышни – а их крепостным чахнуть было некогда: пахать надо.

– Но большинство людей как-то переживает несчастную любовь без всяких кровопролитий!..

– Большинство людей слабо, – с безапелляционностью супермена вынес приговор Звягин. – Большинство людей должны заботиться о своих близких. Большинство людей расходует массу сил на обыденные трудности жизни. Большинство людей законопослушны, трусливы и тщеславны. Большинство людей в душе уважает свои страдания и даже испытывает от них удовольствие: несчастная любовь удовлетворяет их потребности в сильных ощущениях.

– Ты, доктор, что это ты сегодня так поносишь несчастных людей? По-твоему выходит, вообще нет разницы между влюбленным человеком и влюбленным животным.

– Принципиальной – нет, – был хладнокровный ответ. – Так же как нет принципиальной разницы между функционированием организма человека и кошки. Просто цивилизация дала рост производительности труда, высвободила силы для любви и окультурила ее, создала ее внешние формы. Тупой человек тупо домогается любимой женщины, а развитый умеет облечь все в красивые и разнообразные формы, прельстить речами, одеждами, манерами и поступками.

– Насчет ненависти ты, видимо, прав, – признала жена. – Иногда меня ужасно подмывает треснуть тебя кастрюлей по самоуверенной голове.

– Ну вот видишь.

Она зажгла свет, причесалась у столика, подперла щеку ладонью; спросила, глядя в зеркало:

– Леня, ты меня еще любишь?..

– Тьфу на тебя, – сказал Звягин. – Какой подвиг я должен посвятить тебе, чтоб ты успокоилась?

7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.

Вечером третьего дня он принимал Ларика в знакомой фотолаборатории. Назначенный срок ничегонеделанья тот перенес с трудом, вспышка безумной надежды сменилась тоскливой апатией; он глотал чай, словно цикуту. Звягин, напротив, имел вид довольный и уверенный.

– Начинаем предварительные действия, – объявил Звягин. – На данном этапе главная трудность заключается в том, что ты ей донельзя надоел. Итак, надо все стереть и начать с чистого листа: по нулям. Последнее впечатление о тебе в ее памяти должно быть выигрышным. Ты держался мямлей – значит, будь абсолютно тверд. Ты соглашался на все – значит, не мирись ни на чем. Ты должен достойно уйти.

Горечь на лице Ларика усугубилась до чего-то среднего между рыданием Пьеро и дозой хинина.

– Терять тебе нечего. Хуже уже не будет. Представь себе, что вы уже расстались навсегда, что она тебе совершенно чужая, что все равно ничего не светит, что ты умер, наконец! Хуже не будет – с самого низа все пути ведут наверх! И держи себя в кулаке – хоть тресни.

Он достал блокнот, раскрыл ручку:

– Соображаешь ты плохо. Давай-ка порепетируем: что мо-

жет сказать тебе она и этот ее, как?.. Игорь, и что ты должен им ответить.

Вопросы-ответы перетекли на второй десяток страниц, когда вспотевший и втянувшийся в желанную игру Ларик споткнулся:

- А как я узнаю, что он у нее?
- Это твои проблемы! Карауль за углом, найми пацана из ее подъезда, попроси на улице девушку позвонить ему домой, следуй за ним после работы...
- А если скажут что-то неожиданное?
- Улыбайся многозначительно и меняй тему: гни свое.
- А если забуду?
- Вызубри, как домашнее задание! И помни: в боксе главное – хладнокровие, – тяжелой дланью хлопнул его по спине.
- Чем крепче нервы, тем ближе цель. Держи сценарий.

8. Как слегка попортить личную жизнь.

Исполняя полученный приказ, в пятницу Ларик исправно стоял перед заветной дверью на Гражданке. Он съел две таблетки седуксена, сделал вдох-выдох, постарался расслабиться, вспоминая напутствие: «Я спокоен. Мне на все наплевать. Ха-ха. Сейчас я вам немножко попорчу вечеров, голубки. Не ждали? Сейчас я вам объясню, кто такая мать Кузмы». Давя звонок, представил себе, как выглядит упомянутая мать Кузмы, кузькина, то есть, мать, и как он им ее покажет, и невольно улыбнулся нервной улыбкой, когда дверь открыла мать Вали.

– У Вали гости...

«Ах, кто бы мог подумать!..» Знакомая (оскорбительно чужая здесь) дубленка висела на вешалке под оленьими рогами.

Валя вышла в прихожую с досадой и неловкостью.

– Извини, я не одна. Я же просила тебя больше не приходить.

– Ничего, один раз можно, – напористо подавал он заготовленные фразы, как снаряды из погребов. – Я разденусь, ты не возражаешь?

И раньше, чем она успела ответить, скинул куртку.

– Говори, что ты хотел, и уходи, – зло велела Валя.

– Ты не пригласишь старого друга в комнату?

– Я сейчас не могу, – повторила она, но Ларик уже ловко обогнул ее и двинулся в квартиру, не заботясь оставляемыми на паркете следами сапожек.

– Добрый вечер, – слегка поклонился он родителям, сидевшим перед телевизором. – Извините за непрошенный визит.

– Какие цветы! – сочувственно отозвался отец; как все отцы, он понимал неудачливого претендента на сердце своей дочери.

Ларик вспомнил, что в руке у него снопик белых роз, и прижал локоть к боку, чтобы рука не дрожала.

– Где ты отыскал такую прелесть, – кисло вато отреагировала мать.

– Конфисковал у спекулянта, – небрежно сказал Ларик и быстро проследовал в Валину комнату. Чуть растерявшейся от этого натиска, ей ничего не оставалось, как идти за ним.

В комнате, разумеется, тихо звучал магнитофон, на низком столике под неярким настенным светильником – нарезанный торт, кофе, лимон, а на диване сидел приветливый и снисходительный Игорь. Все было плохо... но все было правильно, естественно, ожидаемо, в точности так, как и предусматривалось, Ларик был к этому готов. И оттого, что события развивались по твердо намеченному плану, он вдруг почувствовал себя свободно – хозяином положения. Иници-

атива оказалась в его руках: он знал, что будет дальше, а они не знали, он вел партию, а они вынуждены были на ходу отыскивать защиту.

– Хлеб да соль, – приветствовал Ларик и включил верхний свет, разом разрушив интим. – Валь, где ваза?

– У тебя что-то срочное? – нетерпеливо спросила она.

– А, вот она. – Снял с полки хрустальную вазу, сунул в нее букет и протянул Игорю: – Вы не были б так любезны налить воды?

Тот машинально взял вазу, помешкал, не успевая найти достойную линию поведения; мягко согласился:

– Пожалуйста...

– Я сама налью, – раздраженно выручила его Валя и вышла с проклятой вазой, усугубившей напряженность.

– Какая неожиданная встреча, – сказал Ларик, чувствуя, что он выигрывает по очкам, и понемногу раскрепощаясь. И протянул Игорю руку. Тот пожал ее с доброжелательным превосходством.

– Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи, – с улыбкой сказал он (переводя разговор на удобный ему уровень: поэзия, эрудиция, ирония, полунамеки...).

Ларик посмотрел на него с сожалением, как на больного, отрешенным перед зеркалом взглядом.

– Морозище зверский, – сказал он.

– Давно такой зимы не было, – поддержал Игорь.

– Готовимся жениться? – спросил Ларик. (Нет, он неда-

ром готовился: голос был не спертый, не сдавленный – нормальный!)

Он достиг цели – сбил противнику дыхание: Игорь никак не мог попасть в ритм этого неожиданного разговора.

– Ну, – он прикрылся неопределенной улыбкой, – это не только от меня зависит...

– Не скромничай, Игоряша, – Ларик хлопнул его по колену. – В данном случае это зависит только от тебя. Или она тебе не нравится?

У Игоря заело речевой аппарат: ответить хамски означало признать свое поражение в словесном поединке, ответить вежливо – признать унижительную зависимость от наглеца, а находчивый ответ не придумывался. К его облегчению, вернулась Валя.

– Я сел, ничего? – спросил у нее Ларик.

– Если сел, так чего теперь спрашивать?

Установиться молчанию Ларик не давал.

– Торт вкусный? – просто спросил он Игоря.

– Ничего...

– Ты принес? Ну, наверное, выбрал получше. Валь, не смотри на меня зверем, ладно? Я только съем кусок торта, если меня угостят, и ни секунды больше не стану вам портить личную жизнь. Да не ходи за лишним блюдцем! – Он положил ломоть на тарелку Игоря, подвинул к себе, откусил.

– Цветы с Кузнечного рынка? – улыбчиво попробовал Игорь забрать инициативу.

– Мы любим жесты, – подыграла ему Валя.

– Кто что любит, – сказал Ларик с набитым ртом. – Чужая душа потемки. Как там наука насчет души говорит?

– Мы технари... – усмехнулся Игорь.

– По принципу: если нельзя делать науку, то надо делать хоть диссертацию? И правильно. Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

– Каждому свое. Не всем же строить дворцы.

– Верно. Некоторым приходится там и жить. В диссертации, наверное, бетонная коробка выглядит лучше, чем на стройплощадке. Я неумно шучу сегодня; извини.

Валя демонстративно взглянула на часы и встала.

– Не уходите, он сам уйдет, – сказал Ларик и аккуратно вытер пальцы салфеткой. – Игорь, прошу как мужчина мужчину: выйди на минутку, нам надо поговорить. Не переживай, потом я уйду насовсем, и твое счастье будет полным. Будете ворковать без помех целую жизнь.

В некотором понятном унижении Игорь посмотрел на Валью и поднялся. Когда в такой ситуации просят выйти, срабатывает рефлекс мужского достоинства – отказаться как-то неудобно, невозможно...

– Шустрые у тебя одноклассники, – нашелся он сказать с порога. (Нервничающий человек не способен к остроумию. Вечером, вспоминая эту встречу, Игорь нашел массу достойных ответов.)

– Когда будет нужно, вас позовут, – успокоил Ларик, за-

крывая за ним дверь.

Он погасил верхний свет и сел.

– Потрудись объяснить свое шутство, – сказала Валя, выключив музыку.

Ларик сказал спокойно, тепло:

– Ладно тебе... Просто я хотел попрощаться.

– Ах. В очередной раз. Ты уезжаешь или решил умереть?

– Нет, я не уезжаю и не решил умереть.

– Ты ведь грозился!

– Зачем отягощать твою совесть таким событием. Ведь ты не была бы мне за это благодарна, правда? Хоть память о себе оставить приличную.

– Боюсь, что уже не получится.

– А Игорь твой слабак. Я бы на его месте выставил меня вон.

– Вот потому ты не на его месте.

– Да не хочу я ругаться, – сказал Ларик. – Просто вдруг во мне что-то кончилось. Напрочь исчезло, понимаешь? Ну и захотелось сказать тебе на прощание что-нибудь хорошее...

– Так говори и иди.

– Раздумал. Пусть все хорошее он тебе скажет. Мне было здорово с тобой. Счастливо.

Он распахнул дверь:

– Входите, коллега, мы уже кончили.

Игорь приятно беседовал с родителями.

– Я тебя провожу, – с намеком сказал он, жажда реванша.

Ларик укоризненно вздохнул:

– Пожалуйста. Только не сейчас – имей уважение к хозяевам. Я пришел сюда не затем, чтобы бить гостей дома. Как меня найти – Валя знает.

Он сделал общий поклон, улыбнулся Вале ободряюще:

– Не сердись. Все будет хорошо, – и удалился.

И еще целый час, добираясь до общежития, он находился в роли: чувствовал себя свободным, сильным, великодушным, преодолевшим свою любовь и муку, оживленно-злым. Ночью уткнулся в подушку, привычные думы и воспоминания нахлынули, размыли волю, он вновь ощутил свою слабость, зависимость, отчаяние, и уже удивился тому, как сумел держаться, и даже не понимал своего недавнего состояния, словно разговор тот вел совсем другой, чужой человек.

После его ухода интонация вечера сломалась. Музыка, полумрак, тихие речи, впечатление сгладилось... Но осталась некая крохотная неловкость, мельчайшее неудобство, душевный дискомфорт. Неприятная царапинка осталась в памяти, мешающая прежней непринужденности.

9. Информация – безусловно основа интуиции.

Звягин воспринял доклад Ларика удовлетворенно: «Первый раунд ты выиграл. Следующее: выясни толком, что за человек твой соперник». Армейская закваска сидела в нем прочно: сбор информации, ее анализ и оценка, составление плана действий – и неукоснительное его выполнение; излюбленная метода, иной не признавалось.

– Жаль, что ты не женщина.

– Почему?!

– Женщины обладают удивительным даром узнавать о людях такую подноготную, которую те сами подчас не подозревали.

В Ларике боролись презрение к сплетням и ревность.

– А как?

– Твои проблемы. Сведи знакомство со старушками из его соседей. Найди его одноклассников или однокашников по институту, а еще лучше – однокашниц. Поболтай о нем как бы между прочим с лаборантками и вахтершами в его НИИ. Послушай, что говорят о его родителях – где о родителях, там и о детях. Заготовь себе истории: устраиваешься на работу, или он не отдает тебе долг, или ты беспокоящийся брат его девушки, или он хотел купить у тебя магнитофон, или

ты приезжий, познакомился с ним в отпуске и теперь думаешь, можно ли у него остановиться... Сообразишь! И не лезь с назойливыми расспросами – хвали его как бы с сомнением, и тебе все выложат сами: люди обожают позлословить за спиной, особенно о тех, кто на вид удачлив.

Ларик исчез на неделю. Звягин, уподобляясь Наполеону, возведшему в принцип личную проверку всех деталей, отправился в Институт культуры – взглянуть на его избранницу.

Прогремел звонок, хлопнули двери аудиторий, девушки заполнили коридор: он угадал Валю почти сразу. (Хотя описание Ларика напоминало скорее знаменитое: «Ростом она была эдак примерно с ангела».) Светлое скуластое личико, серые ясные глаза с раскосинкой, невысокая фигурка – ужасно складная девочка (тот тихий омут, в котором черти водятся. Самоуверенный Звягин полагал себя крупным физиономистом. Хотя практика подтверждала, что ошибался он и вправду редко).

Игорь, встреченный им в вестибюле своего НИИ, ему, однако, тоже понравился. На вид крепкий, не мелкий, походка уверенная, взгляд прямой и веселый – симпатичный такой смугловатый парень. Возвращаясь домой, Звягин копался в себе, пытаясь определить причину своей к нему неприязни: неужели просто успел влезть в шкуру бедолаги Ларика? Хм – отчасти он уже чувствовал себя Лариком, уже прикидывал

на зуб ближайшее будущее, как актер прикидывает новую роль, чувствуя, как маска срастается с кожей.

10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.

На «скорой» его новая затея обсуждалась оживленно.

– Нет, – неодобрительно сказал Джахадзе, – ты не прав.

Есть хороший человек, она хочет за него замуж...

– Ты лучше скажи, откуда у аспиранта машина? – рявкнул Звягин. – Он только жить начал, какая у него стипендия?

– Папа купил, – здраво ответил Джахадзе.

– А станет приличный человек ездить на машине, купленной папой? Молодости стыдно быть преуспевающей! Диссертация по микроклимату микрорайонов – чушь свиньячья!.. Папенькин бездельник.

Вошел фельдшер и мрачно стал прислушиваться к разговору.

– Опять несчастненького себе нашли, Леонид Борисович, – брюзгливо произнес он.

– А ты что здесь делаешь?

– Жду.

– Чего?

– Пока вода на кухне закипит. У меня кипяток кончился. Машина-то вся в крови, замерзла – не отдерешь. – Он повертел перед собой изящные сизые руки.

– Так что ты предлагаешь – подождать, пока мы с тобой

поедем за этим несчастеньким на «из-под поезда?» – спросил Звягин. – Давно не было? Понравилось машину отмыть, Гриша?

Гриша пробурчал нечленораздельно и включил телевизор.

– Настоящий мужчина всегда держит себя с женщиной на высоте, – сказал Джахадзе.

– А если не держится?

– Тогда это не мужчина.

– А если жить без нее не может?

– Тогда это не мужчина, – повторил Джахадзе упорно.

– А если другой нравится ей больше?

– Докажи ей, что ты лучше него.

– А если не умеет?

– Тогда это не мужчина.

Злой и невыспавшийся Гриша высказался в том духе, что лоботрясы они все, а вот помыл бы он на тридцатиградусном морозе «скорую» от крови, глядишь, и мозги встали бы на место.

Вообще к несчастным влюбленным на «скорой» относятся скептически. То есть не то чтобы медики не верили в любовь, отнюдь. Просто они по роду службы больше прочих граждан сталкиваются с прозаическими, так сказать, последствиями страстей, когда последствия принимают оборот, требующий медицинского вмешательства. И жертвы, хлебнувшие уксусной эссенции, или полоснувшие себе ве-

ны, или учинившие над собой какое иное непотребное действие, вызывают у бригады справедливое возмущение: работы и так хватает! А выезд специализированной машины влетает в сотню-полторы рублей, и в это самое время может ждать погибающий больной.

– Помните, я летом с Заможенко выезжал на падение с высоты? – Гриша высморкался. – Ах, семнадцать лет, первая любовь, он ее обманул, и бедная Лиза раскрывает окно своего пятого этажа, зажимает глаза и с именем коварного на устах шагает вниз. Хоть бы она раньше посмотрела в этот самый низ! Ковыляла себе бабуля в булочную – и ахнуть не успела: перелом шейных позвонков, разрыв спинного мозга, привет. Сходили за хлебцем... И то сказать: полцентнера рухнет с пятого этажа тебе на голову! А девице – хоть бы хны: сломала ключицу, через десять дней ушла домой на собственных ногах. И к суду ведь не привлекли!

История была давняя, обсосанная; комментариев не последовало. Гриша сквозь заледенелое окно послал проклятие неумытой машине и потопал на кухню. Звягин молвил задумчиво:

– Не каждой женщины можно добиться...
– И нэ надо! – поднял волосатый палец Джахадзе.
– ...но зато каждая женщина может добиться мужчины, если он не против. Фокус заключается в таком повороте дела, чтобы добивалась она. Мышеловка за мышью не бегает.

Трансляция захрипела ужасно и прокашляла:

– Десять тридцать два, рука в конвейере.

– Простудилась Валечка, – посочувствовал Звягин, неторопливо вставая и потягиваясь.

В коридоре столкнулся с Гришей – громыхнул пустой чайник.

– Только отмыл, – в отчаянии воззвал он. – И сейчас опять! Когда морозы кончатся!..

Кренясь на вираже в успевшем промерзнуть салоне, мечтая о тепле и отдыхе, пожелал:

– Пусть хоть на свадьбу потом позовет. А то как пахать – извольте, а как все хорошо – не вспомнит.

– Есть старый анекдот, – сказал Звягин. – Родился мальчик, здоровый, нормальный, пора начать говорить – а он молчит. По врачам таскают, к светилам пробиваются, – молчит. Пять лет, шесть. И вдруг однажды после обеда произносит: «Бифштекс сегодня был горелый». Родители в ажиотаже: «Ах, ох, что такое, чудо! почему же ты раньше молчал?» – «А раньше все было в порядке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.